

Н. П. КОЛПАКОВА

ЗА ПОСЛЕДНИМИ СЕВЕРНЫМИ БЫЛИНАМИ

**из путевого дневника фольклорной экспедиции
института русской литературы (Пушкинский дом)
АН СССР 1956 года**

В 1955 году рабочая группа сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ АН СССР отправилась в район среднего течения Печоры, по следам экспедиции 1929 года, проводившейся Государственным институтом истории искусств (ГИИИ). Повторная экспедиция направилась в низовья Печоры в 1956 году. Там с первых лет XX столетия, после работы известного фольклориста Н. Е. Ончукова, никто из фольклористов вообще не бывал.

<Дневник экспедиции>

3 июля 1956 г.

Поезд Ленинград—Воркута

Итак — мы опять едем. Опять на север. Прошлым летом мы в низовьях Печоры не были. Экспедиция ГИИИ 1929 года находилась там короткое время. Ее даже нельзя было считать разведкой. Теперь мы разумно разделили среднюю и нижнюю Печору для более углубленной работы и, побывав в прошлом году вокруг Усть-Цыльмы, направляемся к Великой Виске. С нее и начнем обследование печорских низовьев.

Нас пятеро. Из прошлогодних работников — Ф. В. Соколов, В. В. Коргузалов и я. Новенькие — наша аспирантка В. В. Митрофанова и прикомандированная от консерватории И. М. Ельчева, молодой композитор. Так как мы едем на север, где имя Ирина прозвонится как Иринья, а Ира соответственно как Ирья, то наши девушки называются Ирья и — по аналогии с ней — Верья. Компания подобралась удачная и по характерам, и по отношению к работе, и по серьезному отношению к науке. Можно надеяться, что съездим толково и благополучно.

6 июля 1956 г.

Тот же поезд

Промелькнул Череповец, проплыла маститая Вологда с крепостными стенами монастыря . . . За окном вагона — привычный

пейзаж: глухие леса, тропинка, бегущая вдоль полотна, большие лужи на ней и мелкий северный дождичек из низких плотных туч.

7 июля 1956 г.
Река Печора, пароход «Тургенев»

В десять ноль-ноль отшвартовались от пристани Порт-Печоры, города-новостройки, и vyplыли на простор великой реки.

Плывем великолепно. На палубе шелестит дождичек, берега широкой Печоры в легком тумане, кружат чайки. Пароход порывисто пытит, вздрагивает, колеса с шумом бьют воду. Мимо окна по палубе время от времени проходят старухи-комы в пестрых платках, слышится речь, которой мы не понимаем. . .

К вечеру дождь расходится. Так и льет! Печора вся серая и вода переливается, как расплавленное серебро. Тихо, ветра и волн нет. На берегах — дремучий лес, над вершинами его плывет туман, заволакивающий дымкой даль. Именно в эту туманную даль нас и несет.

Сидеть без работы невыносимо, мы спускаемся в 3-й класс и начинаем первые записи. Частушки. Но нам надо былин, сказок, песен. Настоящей работы! А до нее плыть еще почти двое суток.

10 июля 1956 г.
Печора, село Великая Виска

Ночью в три часа «Тургенев» подтащил нас к глинистому вязкому берегу, на высоком обрыве которого стоит Великая Виска. Погрузили на спины рюкзаки, остальное взяли в руки и пошли. Пошли в тот же самый дом, где останавливались в 1929 году.

Это был дом Егора Ивановича Дитятева, принимавшего когда-то известного фольклориста Н. Е. Ончукова, потом нас; дом, где летней ночью 1929 года, в дождь и грозу, мы слушали одновременно былины, песни, частушки, сказки, смотрели молодежные пляски и записывали заговоры. В ожидании попутного парохода за одни сутки тогда было записано свыше шестидесяти песен, не считая всего другого. . .

Сейчас хозяина уже нет. Он умер от удара в январе 1942 года. В доме только старушка-вдова Анна Васильевна и ее младшая дочь Маша.

Приняли нас, как дай бог всякому. Мгновенно уложили на полу, поперек двух комнат, и до утра мы лежали в глубочайшем сне, как в обмороке. Вскочив после самоварного обряда, кинулись на работу.

Великая Виска — село очень большое, очень старое и очень интересное. Нет почти ни одного дома, который стоял бы прямо. Все малость перекошено и валится то наперед, то назад, а преимущественно на сторону. Цвет бревен на домах, банях и амбарах темно-серый, с прозеленью, кое-где по стенам растет что-то вроде мха. Близко море. Сырости вокруг гораздо больше, чем в среднем течении Печоры. От этого и общий колорит деревни иной, чем был у чернорыжей, сухой и смолистой Усть-Цыльмы.

Быт здесь тоже совсем иной, чем на средней Печоре. Основа хозяйства не скотоводство, а рыба. Женщины, как и мужчины, выходят на лов, плетут сети, живут под морским ветром, окруженные со всех сторон водой — «висками», «шарами», «курьями». «Виска» — это пролив. «Шар» — залив. «Курья» — старица реки. Деревни разделены водными пространствами, встречаются друг с другом редко: по этим пространствам, вдоль и поперек перерезанным водой, не так-то просто съездить к бабушке или к тетке на именины. Никаких общих календарных и семейных праздников, никаких «посидок» зимой, хождений со звездой под Новый год и т. п. развлечений, которыми богата сухопутная домоседка Усть-Цыльма, с ее заливыми лугами, коровами и лесами, здесь нет. Местные жители справедливо объясняют свою малую связь с соседями: некогда.

Поют тоже совсем иначе, чем в Усть-Цыльме. Песни очень старые, но другие — и по текстам, и по манере исполнения, и по музыке. Из песен, записанных нами в 1929 году, многое позабыто. Здесь еще недавно был хор старой песни, который ездил выступать на районных и окружных смотрах, получал грамоты и другие знаки благодарности и почета. Но, к сожалению, две запевалы — Лукия Ивановна и Наталья Семеновна — поссорились из-за первенства, как это бывает иногда и с оперными примадоннами. Тут искусство запевалы — предмет гордости и славы, и ни одна не хочет уступить первого места сопернице. Разгорелась «война алой и белой розы», приостановилась работа хора. В результате пострадали и мы: петь друг с другом — хотя бы даже и для приезжих, хотя бы даже и в занятую «машину» — обе отказались. Лукия соглашается петь с Ульяной, а Наталья — с Феклой. Наше вмешательство и увещания несколько смягчили обстановку. В конце концов «алая роза», гремя в печи ухватом, согласилась петь с соперницей. «Белая роза», яростно щипля лучину для самовара и выплескивая поросяткам помой, тоже кое-как сложила гнев на милость. Так что надеемся вечером собрать весь хор и записывать.

12 июля 1956 г.

Великая Виска

Два дня работаем без усталости (вернее — с усталью, но без передышки). Бегаем по избам, соединяем певиц и певцов в различные голосовые группы, получили в общей сложности за четыре дня сто с лишним разнообразных песен и множество сведений о репертуаре. Как и на средней Печоре, здесь больше всего песен протяжных лирических, но кроме них широко распространены и другие разновидности, не совпадающие со среднечечорским репертуаром. Прежде всего — тут имеется свадебный обряд, привезенный в свое время переселенцами из Москвы, и соответственно — свадебные песни, которых не было в Усть-Цылемском районе. «Горочные» песни усть-цылемов здесь разыгрываются примерно так же на луговинах (которые здесь гораздо меньше по площади, чем в широкой, раскидистой Усть-Цыльме), но называются «лугowymi». Хороводные называются «кругowymi»; разница между «лугowymi» и «кругowymi», насколько

можно понять, заключается в том, что «луговые» требуют больше простора в движении и по содержанию больше связаны с образами природы; «круговые» же сопровождают хороводы, в которых разыгрываются сюжетные игры, не требующие большой площади. Своеобразный тип — песни «игромые». Их исполняют на вечерниках и на свадьбах: парень и девушка выходят на середину избы и ходят наискось из угла в угол; за первой парой идет вторая, третья и т. д. Это — «игромые-двойные», но есть и «игромые-четверные», когда одновременно вторая шеренга движется из другого угла и получается перекрещивание посреди избы наподобие буквы «икс». Под «игромые» песни не пляшут и никаких игр не разыгрывают, — они только для таких хождений.

Живем мы у Дитятевых очень хорошо. Спим на полу, кое-как обедаем: при помощи хозяйки варим в русской печке супы, каши и кисели из концентратов, которых нам в Ленинграде давали столько, что хватило бы для зимовки на дрейфующей льдине. Хозяйка наша веселая, с чувством юмора. Грамотна она не слишком и расписываться умеет не фамилией, а только именем: на денежных переводах, которые ей время от времени присылает сын, она величественно изображает огромными буквами «АННА», на манер императриц всероссийских.

Вчера был местный праздник «Петровщина», сходный с усть-цылемским. Тут тоже издавна существует обычай устраивать в этот день «складыню» (то есть складчину) и гулять в избах, на улицах, на островах и лугах.

Сегодня в ночь поплывем дальше — в деревню Оксино. Там есть Дом престарелых колхозников. Может быть, найдется что-нибудь и былинное? В Великой Виске былин нет совершенно, а нам не хочется возвращаться домой с одними песнями. . . Говорят, в деревне Лабожское должен быть Никандр Тарборейский, сын покойного сказителя В. П. Тарборейского, но неизвестно, где этот Никандр сегодня находится. Тут все деревни переплетены родством, все знают друг друга и всё друг о друге. Нас уверяют, что «Никандра» непременно должен петь старины («а может и не поет, кто знает!»), но, возможно, сейчас он находится на путине, в Носовой, на самом северном становище у выхода в океан. Это океанское место называется (почему бы?!) Болванской Губой.

14 июля 1956 г.

Печора, село Оксино

Продвигаясь к океану, находимся в Оксине. Очень большое село, в недалеком прошлом — районный центр. Стоит на большой песчаной отмели. Напротив через Печору — высокий мохнатый берег, заросший лесом. Так как достаточно просторной избы, чтобы вместить нас всех пятерых, не нашлось, мы расположились в двух рядом стоящих. Огляделись и начали разведку.

Кроме общежития инвалидов (по местному наименованию «Дед-дома») тут есть, конечно, и множество другого населения разных возрастов. На всем — печать райцентра. Люди уже тронуты город-

ской культурой, совсем не такие, какие были в Великой Виске. На сближение идут не сразу. Нет той непосредственности и приветливости, к которым мы привыкли в других местах Печоры. Заставить их распеться не так-то просто. Кроме того, и здесь имеются междоусобные брани, и Нюра Попова не желает петь с Нюрой Безумовой, а Потаповна с Макарьевной. Но поскольку наш магнитофон обычно примиряет все враждующие партии, надеемся вечером все-таки сделать некоторое количество записей.

15 июля 1956 г.
Оксино

Утром обследовали «Дед-дом». Обитатели его сразу не могли ничем нас порадовать, но просили прийти еще раз и обещали вспомнить все, что знали из старинных песен. Однако мы и сегодня начали у них первые записи. Хорошая певица, бабушка Карманова, спела нам четыре прекрасные старые песни: «Ты не пой, не пой, соловьюшка», «Шел мальчишка бережком», «Край кусточка, край было пенечка» и «Ты детинушка, парень сиротинушка». Особенно хорошо прозвучала последняя — песня о волжских разбойниках.

«. . .» Холодно, ветрено и ясно. Дождя нет, но воздух более, чем свежий. Ходим в ватниках. Здешнее население — в меховых шапках и оленьих малицах. Печорский июль — не черноморский. . .

Днем были у разных исполнителей, принимали отдельные группы певцов и у себя дома. Помаленьку лед трогается. Сегодня — успех: записали первую былинну — «Кострюка». Пела ее Е. Т. Суслова, старая певица, которая слыхала и выучила ее от покойного мужа-портного. Больше никто былин не знает, а песни есть очень хорошие. Портной тоже знал только одного «Кострюка».

Чтобы охватить побольше деревень, нам приходится разделяться на группы. Сегодня представился случай отправить Ирью и Верью с В. В. Коргузаловым на моторном боте за 22 километра отсюда в деревню Бедовую: туда шел бот Рыбкооптреста, который вез бочки с растительным маслом, ящики, кули и другие подкормки в местную торговую организацию. Бедовая стоит на маленьком островке; люди заняты там своими работами, целое лето отрезаны от мира, так как пароходы туда не ходят. Только по крепкому зимнему тракту туда и можно проехать более или менее нормально, а летом каждый бот в ту сторону — редкая, счастливая оказия. Мы поспешили ею воспользоваться.

Бот с развеселой командой ушел по пенистым волнам Печоры. А мы с Ф. В. Соколовым после обеда отправляемся за семь километров отсюда пешком в деревню Голубковку, откуда происходит известная Маремьяна Романовна Голубкова.

17 июля 1956 г.
Оксино

Голубковка — небольшая очень старая деревня, с ветхими домами, когда-то, вероятно, богатыми. Большие, тяжелые они стоят серыми массами по обе стороны единственной улицы и производят впечатление совершенно заброшенных. Жители сразу же заговари-

вают с вами о Маремьяне, как о первой достопримечательности этих мест. Мы побывали у ее родных, записали несколько старых песен и с десятков хороших частушек. Но были тут тоже не знает никто.

Очень беспокоимся о наших младших: каково-то у них на боте? Печора сегодня такая бешеная!

19 июля 1956 г.

Оксино

Тревога наша была не напрасна. Вчера к ночи в избу, где живем мы с Ирой и Верой, внезапно явились наши странницы — мокрые, грязные, едва волочащие ноги. Они прошли тридцать километров пешком, так как никто не рискнул перевезти их на лодке через Печору. Последние семь километров брели под ливнем и в конце концов на переходе через ручей Ира повредила ногу, так что сегодня пришлось даже вызывать из местной больницы врача. . .

Сегодня делаем тут последние записи и утром на пароходе выходим в Нарьян-Мар. Печора поутихла, ветра нет, буря улеглась.

При нашем отъезде из Ленинграда Сектор очень просил нас как можно тщательнее фиксировать «ростки нового», которые мы встретим. Но пока на нижней Печоре одни огромные, замшелые, догнивающие пни старого. Фольклор не может создаваться сразу же вслед за той новизной, которая входит в социальное сознание, в быт населения. Все это понимают. И все-таки наш Сектор опять будет горевать и сокрушаться. . . А уж мы ли не ищем!

20 июля 1956 г.

Печора, пароход «Жданов»

Плывем в Нарьян-Мар. По берегам — тундра. С одного бока Большеземельская, с другого — Малоземельская. Но нам все едино: существенной разницы между ними — тем более с парохода — незаметно. Летают дикие утки, спускаются с берегов к самой воде кусты. . . Пустынно, ветрено. . .

20 июля 1956 г., вечером.

Город Нарьян-Мар

Мы в Нарьян-Маре, в гостинице.

Она называется не «Бристоль», не «Метрополь», не «Астория». Она называется коротко — «УПА». Это означает — Управление полярной авиации. Тут, у крошечного домика на краю Нарьян-Мара, в тундре, останавливаются для передышки самолеты, направляющиеся на Чукотку, в бухту Тикси и другие такие же завлекательные для воображения места. Под окнами у нас равнина с кустами можжевельника, над ней — солнце, совсем не заходящее на севере в это время года. Кругом свежие срубы, смоляные бревна и стружки под ногами, в воздухе аромат можжевельника, смолы и морошки. Город растет в тундру.

Хотя Маремьяна Романовна Голубкова и пела, что «посреди тундры город вымахал», однако до крупного города Нарьян-Мару еще махать и махать. Дома тут полугородские, полупоселковые, все

деревянные. Под погами — песок, который в невероятных количествах привезли сюда, чтобы засыпать вековую болотистую тундровую почву. Над песком — деревянные мостки, заменяющие тротуары. Есть хороший универмаг, очень неважные продовольственные лавочки и большой книжный магазин. Улицы называются своеобразно и красиво: Ненецкая, Полярная, Северная, Тундровая и т. п. Местный колорит.

Есть тут и многое другое, типичное для далекого севера: масса судов с углем у пристаней, большие краны, перегружающие тюки и бочки с берега на суда и обратно, множество всевозможных катеров и лодок, буксиров речного и морского типа, толпящихся в районе пристаней. Здесь кончается речное пароходство на Печоре, и транспорт переходит на морские рельсы. Сюда через Баренцево море приходят иностранные суда за лесом и углем, а также пароходы, курсирующие между устьем Печоры и Архангельском. Вверх по Печоре они не поднимаются.

В городе — большое хорошее здание почты, солидный дом, где помещаются управляющие организации. Дом культуры, при нем — маленький музей, посвященный быту и культуре ненцев. А на базаре в специальном ларьке продаются пушистые туфли из оленьего меха, отделанные пестрым сукном. В целом колорит Нарьян-Мара, конечно, очень своеобразен, а огромная Печора, тундра и незаходящее солнце придают городу совершенно особый характер.

Местные школьницы-подростки сложили о Нарьян-Маре песню, которую распевают хором на улицах ребятишки.

У большой реки Печоры
Стоит город небольшой
А зовется — «Красный город»,
Город Тундры вековой.

Вот окончим десять классов
И поедем кто куда,
Но родного Нарьян-Мара
Не забудем никогда.

В Нарьян-Маре мы родились,
В Нарьян-Маре мы росли,
В Нарьян-Маре мы учились
И друзей приобрели.

**Став рабочим или ученым,
Мы вернемся в Нарьян-Мар:
«Здравствуй, здравствуй,
 милый город!
Остаемся навсегда!»**

И пойдут затем недели,
А за ними месяца,
Будем жить мы в Нарьян-Маре,
Беспокойные сердца!

Песенка немудреная, но как хорошо это желание выразить свою любовь к родным местам, вернуться к ним, жить для них.

Завтра мы с Ф. В. Соколовым выходим на почтовом моторном ботике в самую северную точку обитаемой Печоры — становище Носовую: говорят, там сейчас множество рыбаков из разных мест Печоры, могут быть и былинчики. Младших оставляем работать в деревнях вокруг Нарьян-Мара: во-первых, надо разделиться, чтобы обследовать побольше деревень, а во-вторых, не можем рисковать всем составом экспедиции в небезопасном путешествии.

Вчера около трех часов дня мы с Ф. В. Соколовым погрузились на почтовый моторный бот «Связь № 419», следовавший в Носовую. При отплытии нам было сказано, что к месту назначения прибудем не через шесть часов, как нам сначала обещали, а часов через десять.

Что ж, торговаться не приходилось. Сели. Поплыли.

Бот — маленький, но довольно быстроходный — шел хорошо. Конечно, качало: Печора в этих местах вздымает совершенно морские волны, но терпеть было можно. Около девяти часов вечера прошли Андег, потом Осколково. Попутно забегали в какие-то «шары», обходили какие-то «курьи», завозили почту в разные становища, — словом, без конца блуждали по тому водному лабиринту, который раскинут между островами в устье Печоры. Слегка потемнело, посвежело, приближалась ночь. Я отправилась спать в любезно предоставленную мне капитанскую каюту.

Часа в два ночи просыпаюсь от тишины. Выхожу на палубу. Справа — водная гладь, слева — край тундры: темные кусты, сети на кольях и багровый диск солнца в полуметре от горизонта. Ни души. Только у борта — паренек-юнга.

— Саша, где мы стоим?

— Дак што! Зеленое!

От становища Зеленого до Носовой, я знаю, только несколько километров. Значит, скоро доберемся. Можно возвращаться в каюту.

Но около четырех часов ко мне стучит мой спутник.

— Ситуация сложная! С моря такой туман, что дальше идти нельзя. Стоим на якоре посреди моря.

Действительно: от Зеленого мы отошли, но теперь торчим без движения посреди морского простора и только препротивно качаемся из стороны в сторону. Вокруг нас — огромные волны, идущие с океана, от которого Баренцево море в сущности не отгорожено никаким забором.

— Стало быть, стоим посреди Болванской Губы?

— И крепко!

Туман полз с моря густой, как сметана. Идти дальше оказалось немислимо.

Прождали еще час, когда наступает подъем утреннего прилива. Еще часа два. . .

— Придется поворачивать, — вздохнув, сказал капитан.

И мы повернули назад. Повернули, пройдя от Ленинграда три тысячи километров и не дойдя всего семи верст до Носовой, где, может быть, находились и былины, и былинщики, и вообще все самое для нас нужное! (Только потом узнали мы, что все случилось к лучшему: если бы мы дошли в ту ночь до Носовой, мы застряли бы там из-за погоды дней на десять, а былин там все равно не оказалось: на тонях сидела одна молодежь).

Неподалеку от Зеленого на берегу — метеорологическая станция. Привернули к ней для получения информации о погоде.

— Принесло же вас, голубчиков! — отвечали нам, — возвращайтесь скорее, откуда пришли. С океана идет шторм в десять баллов. Уносите ноги, покуда целы. Ведь надо же вам было! Ни раньше, ни позже!

И вот снова запрыгал наш ботишка по Печорским шарьям, курьям и вискам. Теперь скорее бы, скорее в Осколково.

Не тут-то было. Команда встала к рулю, разогнала бот из всех сил и. . . со всего размаху посадила нас на мель в двух шагах от становища Коржи.

< . . . > Время идет. Мы сидим на нашем боте уже 10. . . 15. . . 20. . . 25 часов. . . В этот пустынный «шар» другой транспорт заходит редко, а телефонов по берегам взять неоткуда: пустынная тундра. Без селений. Без людей. . . Очень далеко от низменного берега вырисовываются контуры одиноких, очевидно, необитаемых избушек. Кругом — огромные пустые просторы, бесконечные пересекающиеся и переплетающиеся проливы да веянье океанских ветров.

< . . . > Говорят, что Никандры Тарборейского в Носовой нет и не было. Надо будет проехать в его родимое село Лабожское. Может быть, там знают, где он.

23 июля 1956 г. Осколково

Совместными усилиями судовой команды и пассажиров при помощи шестов, якорей, лодок, воплей и отчаянной ругани капитана вчера к вечеру наш бот своротили-таки с места и вскоре домчались до деревни Осколково. Кое-как переправились на крутой глинистый берег и устроились на жилье в одном из прибрежных домов.

Фольклористов тут на веку не бывало. Весть о нашем приезде мгновенно облетела всю деревню — и во всех избах запели, готовясь к вечерней записи. Мы быстро очутились в клубе, где пела и плясала молодежь по случаю воскресенья. Она гостила в деревне, а сегодня уехала обратно на становища. Сегодня встретимся с пожилым населением, которое отправке на становища не подлежит и находится дома.

Осколково — деревня небольшая. Жители промышляют ловлей рыбы. Сдают государству и молоко, так как молочного скота много. Все пожны и становища находятся на ближайших островах. Сообщение с ними возможно только по «шарам» и «вискам». За чертой деревни и за спинами домов сразу начинается первобытная тундра: миллиарды комаров да низкие ольховые заросли. Берез и елей нет, никакой лес не растет. Горизонты низкие, равнинные, бескрайние. Куда ни глянь, поблескивают узкие синие ленты водных путей, сияющих под солнцем в ярко-зеленой траве. Надо всем — огромное высокое небо. . . Тишина. . . Своеобразный край!

А люди тут, как и везде на Севере, хорошие. Приветливые и добрые. Проживем тут, вероятно, дней пять.

25 июля 1956 г. Осколково

23-го записывали бабушек, сегодня будем записывать дедушек. А вчера были за семь километров от Осколково, в становище Чугай,

где осколковские рыбаки тянут из Печоры семгу, нельму, сига. Проплыв в лодке по зеркальной, тихой Печоре на становище, записывали частушки и песни от работающих девушек; выходили в море с рыбаками к сетям (добыли между прочими рыбами большую семгу и, вернувшись на берег, сварили уху, немислимую в Ленинграде). Магнитофон был поставлен у самой воды, и вместе с голосами девушек на ленте остался плеск печорских волн.

27 июля 1956 г. Осколково

Работу в деревне мы закончили. Записали все, что было можно. Материала много, он хороший, но... былин нет и здесь! Один только П. Н. Позднеев, приятный, умного вида рыбак, смог нам «рассказать» (то есть передать речитативом, былинным стихом без напева) былинку об Илье и Соколике. Больше и он ничего не знал.

Завтра думаем двинуться отсюда дальше, в Андег.

28 июля 1956 г. Дер. Андег

Только 26-го к вечеру замаячил на реке серый силуэт нашего бота. Он подхватил пассажиров и грузы, приготовленные ему в Осколкове, и мы понеслись вверх по Печоре. Прибыли в Андег, когда вся деревня спала под сумрачным небом и порывами холодного печорского ночного ветра. Постучались в дом местного старожилы А. Г. Голубкова, рекомендованный нам еще в Осколкове, и были просто и приветливо приняты милыми хозяевами. Дом зажиточный, семья небольшая, так что мы никого не стеснили.

И Осколково, и Андег — колхозы-миллионеры. Здесь промышляют рыбной ловлей и охотой. Семга, щуки, сига, горностаи, россомахи, песцы, лисицы, зайцы — вот добыча местных колхозников. Особенно много песцов. Один охотник может набить их за зиму до двух сотен. Семги, случается, в одну тоню выгребают до тысячи штук. Как тут не быть миллионерами!

У здешних рыбаков встречаются удивительно красивые, благообразные, умные лица, с правильными чертами, ласковыми и спокойными глазами; большие бороды, волосы обычно обстрижены «под горшок». И волосы, и бороды часто слегка кудрявятся, и в них блестят отдельные серебряные нити. К этому облику прибавляется спокойная, неторопливая, рассудительная речь, хорошая улыбка, достоинство во всех манерах. Встает чудесный образ древнего русского человека, прямыми потомками которого и являются здешние старики.

Песни тут полностью повторяют репертуар Великой Виски и Оксина, но имеют некоторые совпадения и с Усть-Цыльмой. Былины исчезли совершенно. Мы раздобыли тут два напева с жалкими кусочками текста, из которых даже не поймешь, о чем в этой былинке говорится.

— Да про Добрыню чегой-то, — подумав, говорят исполнители.

— А вы не слыхали, не знаете — кто он был?

— А кто зна! Видать, герой какой-то, Михеич сказывал.

— Какой Михеич?!

— Да старик один. Мы от него-то много старин слышали.

— А где он? Где живет?!

— Да он уж годов сорок как помер!

Свою былинную неосведомленность местные жители объясняют тем, что настоящие былинщики давно вымерли. Былинное пение им послушать не у кого. . .

Картина здешней устной поэтической традиции в отношении эпоса для фольклориста весьма печальна. Зато художник пришел бы от Андега в восторг. Деревне, как говорят старожилы и легенды, около трехсот лет. В ней очень много старых домов, дворов, амбаров, бань и других хозяйственных построек своеобразной архитектуры, напоминающих архитектурные ансамбли старой Москвы.

30 июля 1956 г.

Нарьян-Мар. Гостиница «УПА»

Встреча в «УПЕ» с ожидавшими нас товарищами была очень теплой. За время нашего отсутствия они тоже позаписывали немало и в самом городе, и в деревушках вокруг. Нашли бабушку, которая рассказала три былины в виде сказок. Но настоящих былинщиков не обнаружили. По-видимому, придется ехать домой с пустыми руками. . . До чего обидно!

Сегодня Ира и Вера из-за своих академических дел должны уезжать в Ленинград. Пройдем вместе с ними на пароходе до Лабожского и попробуем поискать там Никандру Тарборейского.

Он представляется нам сейчас последней возможностью найти былины. Как сообщает в сборнике «Печорский фольклор» Н. П. Леонтьев, у старика Тарборейского было три сына: Гаврила, Никандр и Константин. Гаврила умер, Константин ушел куда-то «в Россию», а Никандра должен находиться где-то поблизости. Но где?!!!

31 июля 1956 г. Дер. Лабожское

Прибыли сюда сегодня утром на пароходе «Сыктывкар» — и сразу были ошеломлены. При первом же нашем вопросе о Никандре оказалось, что он действительно живет в Лабожском и не только живет, но даже находится тут же на пристани. И не только находится на пристани, но и прибыл с нами на этом же пароходе. И сидел всю дорогу за стенкой от нас в 3-м классе. Тут же на берегу мы с ним познакомились и договорились, что вечером придем в гости.

Замаячили некоторые былинные перспективы. Еще по дороге, на стоянке, вчера, пока пароход разгружался у Великой Виски, видим: мчится по берегу великолепный дед с развевающейся по ветру бородой. Мчится классически — вытаращив глаза, подгибая колени: живот вперед, ноги назад, как на всех иллюстрациях к бытовым русским сказкам. Дед влетел на пароход, когда уже убрали сходни. Древний инстинкт зверолова и охотника, заложенный, вероятно, с каменного века в каждом фольклористе, нас не обманул.

Дед по имени Тимофей Семенович Ижемцев и в самом деле кое-что знает.

Салон 1-го класса занимает на «Сыктывкаре» весь нос. Он сплошь стеклянный. Дед сидел и пел в магнитофон, а окна вокруг были снаружи облеплены десятками любопытных пассажиров, гулявших по палубе: никто не понимал, что такое происходит в салоне. А дед тем временем пел о том, как бежали «туры златорогие», что были «и во Шахове, и во Ляхове» и видели «диво-дивное» — красавицу девушку, которой ведома была великая невзгодушка, нависшая над Киевом: приближение злого врага, «собаки Тугарина». Словом, дед пел былин о Василии Игнатьеве. До конца он ее не знал, но обещал кое-что вспомнить и спеть нам в Лабожском, куда он направлялся в гости к дочери.

На берегу я отправилась с дедом Ижемцевым туда, где жила его дочь, и поселилась возле него «на вышке» (в светелке), чтобы быть поближе к старику. Соколов и Коргузалов устроились рядом в доме Суслова, местного старожилы. Очень быстро выяснилось, что Суслов — тоже Никандра и тоже знает былины. Мы окончательно возрадовались: кажется, начинается наиболее интересный этап нашей экспедиции! До чего жалко, что наши девушки должны были уехать!

За чаем «на вышке» у Авдотьи Тимофеевны нам объяснили, почему Лабожское так называется: место это топкое, болотистое, и первые обитатели его жили «под лабазами», то есть под свайными постройками («лабаз» — на высоких кольях). Название Болванской Губы произошло от того, что когда-то в незапамятную старину здесь, говорят, стояли деревянные «болваны», идолы нерусских жителей тундры. Затем пошли интересные рассказы о старых певцах, былинщиках, о местных суевериях, заговорах и т. п. Завтра пойдем за былинами.

1 августа 1956 г. Лабожское

Наши походы по исполнителям дали различные результаты. Хуже всех оказался Никандра Тарборейский. Ничего толком от отца не перенял. У него густые, блестящие черные волосы на косой пробор, падающие на уши, и желтое скуластое лицо типичного ненца, без бороды и усов. От него мы смогли записать одну совершенно путаную былинку и одну песню.

Напротив того, Никандр Иванович Суслов блистает памятью и эрудицией. Спел нам три очень стройных былины («Женитьба князя Владимира», «Добрыня и Алеша», «Илья и Сокольник») и несколько хороших старых песен. Тимофей Семенович Ижемцев уехал обратно домой в Бедовую, сообщив нам все, что знал.

У нас уже семь хороших былин!

7 августа 1956 г. Тельвиска

В ночь с 3-го на 4-е пароход вывез нас из Лабожского и к полудню доставил в Нарьян-Мар, опять на приветливую базу «УПА».

Тут надо было разузнать о путях в наш последний район работы — Тельвиску и Пустозерск.

Мы опять решили разделить для лучшего охвата материала. В. В. Коргузалов отправился в Пустозерск, к прославленной певице Шайтановой, а мы с Ф. В. Соколовым нашли в Нарьян-Маре на базаре ларек, где колхозницы из Тельвиски ежедневно торгуют молоком, и договорились, что в конце их рабочего дня они вместе с пустыми молочными бидонами доставят и нас в свою деревню. Пешком в Тельвиску не попасть из-за водных проливов и «шаров», а никакого регулярного сообщения у Тельвиски с окружающим миром нет.

В пять часов мы оказались на нашей новой базе — в доме бабушки Агнии Николаевны Кожевиной, в двух больших пустых комнатах верхнего этажа. Живет бабушка одна («старик на пожне»), и мы разместились с полным комфортом. Правда, есть совершенно нечего, сидим на хлебе и воде: ленинградские запасы кончились, а в лавке, кроме черного хлеба, имеются только соленые серо-зеленые помидоры. Все время ходим голодные. Нет еды, но есть главное: быliny!!!

Счастливы мы безмерно. Нашелся прекрасный старик Тимофей Степанович Кузьмин, 68 лет. За эти дни записали от него десять (десять!!!) былин, среди которых есть и Илья Муромец с Соловьем разбойником, и тот же Илья с «нахвальщиком»-сыном, и Святогор, и отважный Сухман, и Дюк, и Чурила, и Василий Буслаев, и Садко. Словом, богатство найдено такое, какое и не снилось нам после нашего долгого безбылья. Так не все ли равно после этого — обедать или не обедать!

10 августа 1956 г.
Нарьян-Мар

Положительно, звезда удачи и благополучия твердо укрепилась в нашем небе. Не успели приехать сюда, опять в наш номер в «УПА», привеза с собой тринадцать былин от Кузьмина и одну от Е. В. Шайтановой, как отыскался еще былинник — Андрей Федорович Пономарев, старый солдат, живущий буквально в двух шагах от гостиницы.

Старик живет в чистенькой квартирке со своими родными, которые, как видно, очень любят и берегут его. Наши взволнованные и радостные расспросы в первый момент его не очень растрогали, хотя он внимательно выслушал кто мы, зачем приехали и т. п.

— Почему же нам никто столько времени вас не называл, Андрей Федорович? Ведь мы все время всех расспрашиваем, нет ли здесь кого-нибудь, кто быliny поет, — разве вас в Отделе культуры не знают?

Старик хмурится.

— Как не знать! Знают! Да я-то их знать не хочу!

— Почему? Что они вам сделали?

— Изобидели! О прошлом годе концерт устроили. Ну, хором пели, да отдельно мужики и бабы пели, кто чего знал. Да девки плясали, хороводы водили. . . И меня позвали. Я много чего помню:

я еще, бывало, с отцом покойным певал, да с приятелем его, Василием Петровичем Тарборейским, папашей Никандровым. Ну, перед концертом-то, накануне, как начал я на пробу петь, они послушали и говорят: «Нет, дед, этак не пойдет, больно долго да скушно. Ты чего-нибудь поскорее, покороче, без голоса, а просто так, словами перескажи!» Ну, мне, конечно дело, обидно стало: как же это старину да покороче, да без голоса? Разве ее простыми словами перескажешь? Ну, ругнулся я и не пошел к ним больше. И ходить не хочу. И леший с има!

Мы принялись утешать старика, вполне разделяя его негодование и обиду на местное «культпросветначальство», по недомыслию и безграмотности оскорбившее и певца, и фольклор. Старик скоро развеселился.

— Дак што... Вам-то, конечно, спою. Неужто и вправду в книжке будет?

Эта мысль ему очень понравилась.

— А помнить-то я помню... Как не помнить!

И дальше все пошло, как по маслу. Мы просидели у старого былинщика два утра — вчера и сегодня, записали шесть больших былин («Про Сокольника», «Добрыня и Змей», «Василий Касимирович», «Иван Горденович», «Святогор», «Про Луку Степановича») прекрасной сохранности, в очень хороших и цельных вариантах необычайной длины. Так, например, «Ивана Горденовича» он пел целый час без двух минут (мы засекали время). У нас руки немеют от этих записей: нелегко записывать былинщика в течение часа без перерыва, без минуты отдыха! Но мы так счастливы, что забываем обо всех трудностях. В общей сложности мы записали в этом году 37 былин. Из них 29 больших полных текстов, пять фрагментов с напевами и три былины-сказки. Это удастся далеко не каждой из современных экспедиций. Такого мы сами никак не ожидали, особенно поначалу.

Да... Так вот еще какой враг оказался у русского эпоса: малограмотные «культработники» на местах! Это враг страшный. И бороться с ним, конечно, очень трудно.

13 августа 1956 г.

Река Печора, пароход «Молоков»

Вот уже третьи сутки плывем домой, на юг. Как-то непривычно слышать, что «на юг» — значит в Ленинград. Отплыли из Нарьян-Мара 10-го вечером.

9-е и 10-е прошло в бурном общении с нарьян-марскими певцами, в частности с А. Ф. Пономаревым. В благодарность за его искусство и доброе отношение к нам мы не могли удержаться и лично от себя купили ему на память в подарок рубашку. Дед был очень доволен и немедленно отправился с нею в баню. Он пел нам совершенно бескорыстно и никогда не вздумал бы просить что-нибудь, но нам очень хотелось его порадовать. А вечером, распростившись с ним, мы отправились через весь город на пристань.

В гостинице мы жили совсем по-домашнему, и милые хозяева, супруги Ревины, расстались с нами более, чем по-дружески. Нам

дали с собой две банки только что сваренного морошкового варенья (морошки тут — пропасть), дали пакет копченых «зельдей» (местной рыбы, не имеющей ничего общего с известными всем сельдями), и все семейство, включая уборщицу Настасью Васильевну, отправилось нас провожать и тащило наши чемоданы. Ну где еще, кроме как на Севере, можно найти гостиницы, в которых постояльцам давали бы на обратный путь банки с вареньем и несли бы на себе их багаж до самой пристани? Как же не повторить в сотый раз: чудесные люди северяне!

У экспедиции 1956 года был приятный эпилог: через несколько недель после нашего возвращения домой мы получили из Нарьян-Мара письмо. Писал тов. Тунгусов, зав. отделом партийной жизни в газете «Нарьян-вындер»:

«. . . Недавно мне привелось быть в Виске и Тельвиске, разговаривать с Кузьминым, Тороповым, Шальковой Н. С. и Барахматовой М. Я. — вашими знакомыми. Все они тепло отзываются о вас и вашей экспедиции, показывали фотокарточки, сделанные и присланные вашими товарищами < . . > Надо бы обязательно организовать нам экспедицию по записи песен. Лента у нас есть, а в Доме культуры имеется магнитофон. И если найдется мастер, то такую поездку сделать будет можно».

С большим удовольствием читали мы все это. Стало быть, работа наша заинтересовала людей, заново подняла в них любовь и внимание к народной песне.